

ПРИЗРАКИ ОСЕНИ

ОСЕНЬ ПРИЗРАКОВ

ЮРИЙ НЕКРАСОВ

ОСЕНЬ ПРИЗРАКОВ

Москва
2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Н48

Иллюстрация на обложку – *К. А. Терина*

Некрасов, Юрий Александрович.

Н48 Осень призраков / Юрий Некрасов. — Москва : Эксмо, 2022. — 352 с.

ISBN 978-5-04-164507-6

Настоящие герои не умирают, они превращаются в призраков. Осень требует новые жертвы: дом сломан, призраки погибают один за другим, правда лезет из-под земли кривыми пальцами скелетов, мальчик в подвале пытается оживлять мертвых, пророк Рэндж идёт сквозь сожжённый цирк, королевский инспектор Холдсток суёт свой нос куда не следует и оказывается один на один с монстром. В город приходит «Осень призраков», она беспощадна и безумна.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Некрасов Ю.А., 2022
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2022

ISBN 978-5-04-164507-6

Пятьдесят слов от автора

Говоря современным языком, «Призраки осени» и «Осень призраков» — первый сезон большого литературного сериала, в котором написаны уже три тома. Я очень хочу, чтобы мы распутали корни этой истории вместе, для этого нужна самая малость: я буду писать, а вы — читайте и ужасайтесь. Призраки еще не раз вас удивят, обещаю.

Юрий Некрасов, январь 2022

Что произошло в «Призраках осени»

На холме Кривой Нос стоит над городом древний особняк. В нем доживает вечность неполная дюжина призраков. В подвале дома похоронено чудовище. Когда-то его сила была велика, но с годами почти исчезла. Теперь чудовище выползает наружу туманом и следит за происходящим в доме с помощью тараканов.

Тварь не утратила своей главной способности: она заставляет призраков звать из города их прямых потомков. Противиться такому зову не может никто, в ком течет кровь людей, умерших и застрывших в доме. Чтобы очередность зова была честной, призраки играют в карты. Проигравший заманивает своего потомка и обрекает его на смерть.

История дома и его обитателей полна загадок. Кто и зачем построил этот дом? Кто все эти призраки? Как они обрели жизнь после смерти? Что связывает их с тварью в подвале и почему она имеет над ними власть?

ОСЕНЬ ПРИЗРАКОВ

Призраки подчиняются чудовищу из страха, ведь оно может сожрать их вместо наследников, а призраки хотят жить, даже в таком вымороченном, бестелесном состоянии. Тем более что среди них зреет заговор.

Дом и погребенные в нем тайны привлекают разных людей.

Шейла приходит с подругами. Она была здесь не раз, мальчик из подвала обещал ей чудеса, если она приведет других девочек. Чудовище пожирает их, но оно разочаровано: среди тех, кто пришел, нет единственной, кого он действительно ждал. Кристина опоздала и боится в одиночку заходить в жуткий дом.

Велосипедист Берт чувствует, как нечто заставляет его приехать к дому. В окне он видит таинственную девушку, чье лицо скрыто зеленой вуалью. Берт хочет войти, но девушка сквозь дверь отговаривает его. Берт не знает, что девушка — призрак, а его самого притащил сюда прапрадед, желая скормить твари. Берт обещает вернуться позже и разобраться, кто эта девушка и почему ее силой держат в доме.

Кроме призраков в доме есть один живой постоялец — слуга твари, бродяга и наркоторговец Винни. Монстр связал его с собой каким-то мистическим образом. Сбежать из города и порвать с тварью Винни не может.

Юрий Некрасов

Берт возвращается за девушкой в зеленой вуали и сталкивается с Винни. Они дерутся, и Берт проигрывает. Дом гудит от возбуждения, чудовище в подвале ждет пиршества, ведь Берт — наследник одного из призраков, идеальная для чудовища трапеза. Но девушка в зеленой вуали спасает Берта, накормив собой тварь.

Пропажей детей занимается полиция, копы обыскивают дом, но ничего не находят. Зато у детектива Доплера во время этого осмотра пропадает револьвер...

Брат Шейлы — Люк — не может найти себе места, ведь это он проболтался сестре про дом и пытался отговорить ее туда лезть. Люка связывает с домом особая тайна — он был здесь и разрисовал стены. Нечто разговаривало с ним, и его картины на стенах оживали. Теперь Люк уверен, что в доме живет зло, которое он должен уничтожить. Люк берет керосин и отправляется на подвиг. Призраки нападают на Люка, когда тот поджигает дом. Винни бросается тушить пожар и преграждает путь наружу. Люк вынужден прятаться в доме. Ему помогает одна из призраков, но тварь из подвала не собирается просто так отпустить мальчишку. В попытке выбраться из дома по трубе дымохода Люк падает с крыши и сильно разбивается.

Детектив Доплер, который расследует дело о пропаже детей, имеет собственный жуткий се-

ОСЕНЬ ПРИЗРАКОВ

крет в шкафу: его жена — медиум, которая телом чувствует чужую смерть. Много лет назад Доплер выкрал ее, еще девчонкой, из клиники душевнобольных, где происходили таинственные убийства. Он прячет жену у себя в подвале и использует ее странные способности, строя карьеру.

На дверях дома на холме вывеска: «Продается». Лайт Филлсон — риелтор, который пытается его продать, приводит на показ двух странных людей, они улыбаются, не разжимая губ. Осматривая дом, покупатели слышат крики из подвала. Мужчина спускается вниз и выносит оттуда избитого Берта. Его нужно везти в больницу. Риелтор тайком пишет послание на зеркале, один из призраков его читает и стирает. Каждому в этом доме есть что скрывать.

Вечером странные покупатели вторгаются в дом риелтора Филлсона. Они широко, не скрываясь, улыбаются. Вместо зубов у них во рту рыболовные крючки. Покупатели объясняют Лайту, что дом ценен только для них и именно они обязаны его купить. Риелтор понимает, что перед ним не обычные люди, а какие-то твари.

Жена детектива Доплера рвет наручники, которыми он сковывал ее в подвале, чтобы не повредила себя во время припадков, и начинает пророчествовать. Она видит, как призраки в доме на холме играют в покер, решая, кого отдать твари. Жена

Доплера понимает, настало время выйти из тени, и заставляет мужа отправиться с ней.

Тварь туманом поднимается из подвала и надевает одного из призраков, как костюм. Настала пора сыграть по-крупному. Призраки раскидывают карты. Тварь проигрывает, но обманывает призраков, заставляя их напасть друг на друга.

Детектив, его жена-экстрасенс и риелтор находят у дома покалеченного мальчика Люка. Его кладут в ту же палату, что и избитого Берта. Они начинают общаться и понимают, что оба едва не погибли в доме. Берт уговаривает Люка вернуться и доделать то, зачем они туда лезли: Берт спасет девушку в зеленой вуали, Люк отомстит за сестру.

Тварь в подвале решает, что ей нужен кто-то свой в городе. Руками Винни она достает из стены душу Шейлы. Винни делает для нее куклу. Шейла оживает в новом теле и бежит из дома. По дороге ее сбивает грузовик, водитель в ужасе привозит ее в ту же больницу, где лежат Люк и Берт.

Дежурный врач, которому кладут на стол живую куклу Шейлу, когда-то был врачом в психиатрической клинике, откуда детектив Доплер украл жену-экстрасенса. Хирург впадает в транс и видит не куклу, но живую девочку, которую срочно надо починить. В палату ломятся полицейские и другие врачи, но хирург заперся и никого не пускает. Шейла ранит доктора и сбегает из больницы. Но

ОСЕНЬ ПРИЗРАКОВ

слух о том, что Шейла нашлась, облетает город: полицейские, Люк, Берт уверены, что она жива.

В голове куклы Шейлы горит одна мысль: Кристина предала ее, не пришла вместе с остальными в дом на холме. Из-за нее разгневался монстр. Из-за нее сожрал Шейлу. Она решает подкараулить Кристину, утащить ее в дом и захватить с помощью монстра ее живое тело.

Покупатели дома с рыболовными крючками во рту подкарауливают риелтора Филлсона и требуют, чтобы тот срочно продал им дом. Филлсон юлит, беспокоясь за судьбу одного из призраков, кроме того, детектив Доплер строго велел брать его с собой на любые дела, связанные с домом. Договариваются совершить сделку следующим утром у самого дома.

Крючкоротые нападают на детектива с женой и едва не убивают. Доплер прячет жену на случайной квартире. У нее припадок. Доплер отвлекается от обещаний риелтору и на сделку утром не приходит.

На рассвете у дома встречаются риелтор и двое страшных покупателей. Лайт Филлсон отказывается продавать дом без полицейского, но покупатели хорошо подготовились к такому повороту: они подгоняют бульдозер и начинают сносить дом. Призраки мечутся в панике. Монстр в ужасе. Единственный, кто может помочь — Винни. Призраки достают из зеркала револьвер Доплера.

Юрий Некрасов

Винни залезает на бульдозер и убивает водителя. В награду один из призраков достает из тела Винни то, что связывало его с монстром, и Винни сбегает.

Шейла убивает мать Кристины и вызывает дочь к маме на работу, говоря ее голосом. У жены детектива Доплера случается приступ, она видит все, что происходит с домом, Шейлу и решает помочь ей, преследуя свои цели. Жена сбегает от Доплера вместе с куклой Шейлой и захваченной ею Кристиной.

Детектив Доплер едет к дому на холме, уверенный, что туда отправилась его жена. Но там его встречают коллеги-полицейские, наполовину разрушенный дом и труп водителя бульдозера, убитый из револьвера Доплера. Детектива задерживают. По дороге в участок полицейская машина сбивает Винни, который пытался ограбить магазин и поспешно оттуда сбежал. Их сажают в соседние камеры: детектива Доплера, Винни и хирурга, который, наплевав на все правила, решил самостоятельно оперировать пропавшую девочку Шейлу, а после ее упустил. В соседнюю с ними клетку ночью привозят странного человека. Тот неприятно скалит зубы, похожие на рыболовные крючки.

Кто есть кто в романе

Дюжина обитателей дома на холме Кривой Нос

Гарольд Холдсток — призрак мэра, отстроившего город после огромного пожара.

Леди Пустое Семя — призрак дамы с впечатляющей прической и чрезвычайно трагической судьбой, она основала приют для душевнобольных детей.

Фан-Дер-Глотт — призрак необычайно мрачного мужчины, который не отрицает, что был священником.

Круэл Райт — призрак бунтаря, влачившего скучную жизнь почтальона до того, как угодил в подвал дома на холме.

Гордон Бёрн — призрак охотника, человек холодного ума и стального коварства.

Леди Зеленое Солнце — призрак хозяйки опиумного притона, который достался ей по наследству от ею же убиенного папаши.

Виски-Джек — пропащий человек, призрак оперного певца и гуляки, видел, как небо нисходит на землю с противоестественными дарами.

Юрий Некрасов

Чиз — призрак кухарки, которая таит под сердцем такие страхи, что не вынес бы ни один мужчина.

Голос-из-Тени — создание, пришедшее в дом вместе с его душой.

Душекрад — призрак юноши с седыми волосами, язвительный и убитый тоской, любимец твари из подвала.

Мириам Дутль — призрак девицы, не узнавшей мужской любви, но дальновидно злоумышляющей.

Винни — пустой человек без выдумки и занятий, был у монстра в подвале на посылках, но сорвался с крючка.

Люди, которых привлекает дом

Берт Райт — добрый малый, которого заманил на холм его прапрадед Круел Райт, в итоге подарив наследнику мечту.

Лайт Филсон — смертный возлюбленный Мириам Дутль, который делает все, чтобы сломать себе жизнь.

Люк Комптон — талантливый мальчик, навлекший беду на себя и семью своими рисунками.

Шейла Комптон — картонная кукла, при жизни бывшая сестрой Люку, а теперь ломающая любые стены.

ОСЕНЬ ПРИЗРАКОВ

К р и с т и н а — внимательная девочка, изучившая историю города заметно глубже, чем обычный читатель.

С а й м о н Г л о т в и к — доктор, который не сумел никого спасти, но отремонтировал Шейлу.

Полицейские

С э м Д о п л е р — знакомый по фильмам коп, одержимый охотой на маньяков, в погоне за которыми едва не потерял себя.

С л а п о в с к и — амбициозный коп, который не видит дальше своего носа.

Ф и н ч — напарник амбициозного копа, у которого в карманах спрятана пара сюрпризов.

Прочие твари

Л и н к — царь карнавала, человек с крайне неприятным железом во рту.

Л и н д а — жена Линка, из художницы ставшая монстром.

Б а р б а р а — женщина-отмычка, видящая скрытое, но не умеющая с ним договориться.

Люди из прошлого

Р э н д ж Н ь ю т о н — человек, топивший свою дочь и заплативший за это целым миром.

Юрий Некрасов

Кэтрин — дочь Рэнджа Ньютона, решившая стать карлицей.

Макабр — великий артист цирка, пылающий от зависти.

Кобольд — хозяин цирка карликов, готовый на все ради Бога.

Гистас — самый сильный в мире карлик, отдавший жизнь за Пророка.

Сестры Мейдж — гуттаперчевые близняшки, способные уложить собственные задницы себе на голову.

Песок

Рэндж Ньютон не пил десять дней. На одиннадцатый он открыл глаза и увидел плоское небо цвета мочи. Настроение было ему под стать. День сулил очередную прогулку по раскаленной сковороде. К полудню песок обжигал так, что лошадям приходилось надевать мешки на копыта, иначе животные бесились и сбрасывали всадников.

Рэндж попытался подняться и со стоном перекатился на бок. Веревка, которой руки были примотаны к туловищу, контролировала каждое движение, но позволяла крови свободно бежать по венам.

Макабр крутил барабаны и с преувеличенным тщанием проверял, все ли патроны на месте. Ньютон понял, что его разбудило. Не было выстрелов.

— Эти стервятники что-то задумали, — бросил Макабр через плечо. На Рэнджа он даже не взглянул. Потом рассовал револьверы по поясным кобурам и достал еще несколько стволов. Ньютону было невдомек, зачем тому столько оружия.

Юрий Некрасов

— Погляди сам, — Макабр приглашающе ткнул пушкой в сторону зубчатой гряды холмов. — Вон и вон.

Север пятнали четыре темные точки. Они явно знали, что к полудню здесь настанет ад, и спешили нагнать путников первыми.

— Решил заглянуть на огонек, — Макабр из-под мышки указал стволом за спину Рэнджу. — И не один.

Еще три тени решительно двигались в их сторону с юга.

— Два дня, — Макабр почесал лоб мушкой. — Чертовых двое суток, и мы бы исчезли в каньоне Золотых Сердец.

Они покинули монастырь вдвоем.

Макабр распял Ньютона на дереве и исчез на несколько часов в горной обители. На звук дыхания человека из песков вышел койот и долго обнюхивал его. Рэндж оценил иронию. Вместо копья — зубы. Римский легионер Лонген — и линяющий койот. «Так ведь и ты так себе Мессия», — скривился Ньютон, но койот все рассудил по совести, отбежал к соседнему дереву и помочился на ствол. Презрение — вот что прочитал Рэндж во взгляде облезлой худой твари.

Макабр вернулся к ночи. Он пыхтел под двумя мешками с награбленным и проклинал горы, трупы и чертова Пророка. Отвязав Рэнджа, Макабр попытался его навьючить. Но Ньютон едва переставлял

ОСЕНЬ ПРИЗРАКОВ

ноги. Макабр угрожал, смешно ярился и размахивал револьвером, тогда Рэндж воздухом плюнул ему в лицо. Слюны не было, а пули он не боялся. Макабр сбил Ньютона с ног и немного поработал над его улыбкой. Пустыня приняла щедрое подаяние — три зуба.

В лагере Макабра ждала четверка лошадей. Они двинулись в путь, не дожидаясь утра. Десять миль среди скал. Каленые иглы в задницу Ньютону. Он держался в седле только потому, что Макабр его привязал. Лошади шли шагом. Одолевали не более пары миль в час по проторенной тропе.

— Я не дам тебе воды, — предупредил Макабр. — Спрут черпает из нее силу, а колдовство мне ни к чему. Ты не сдохнешь, я уверен.

— Лишней еды у меня тоже нет, — чуть позже добавил он. — Вздумаешь выламывать фокусы, посмотри на горизонт. Видишь точки спереди и позади тебя? Это твои знаки дороги: полярная смерть и крышка гроба. К первой ты бежишь, вторая тащится следом.

Макабр испуленно следил за чистотой своих рук, каждый раз, когда он намывивал их, нюхал, выскребал грязь из-под ногтей, на него накатывала болтливость. Ньютон закрывал глаза, но заткнуть уши не мог. Таков удел немых — казаться идеальными собеседниками.

— Руки важней, чем глаза. Руками касаешься Бога. Я-то знаю, какого Бога ты щупал. Мерзкий урод! Ты и эта тварь! Ничего-ничего, вы мне заплатите. Вы

Юрий Некрасов

дорого мне заплатите. За каждый день, каждую минуту. За сейчас! Видишь дымы? Каждое утро и каждый вечер я буду подавать сигнал — условленное число выстрелов, для каждого дня — свое. Макабр все предусмотрел! Если мои друзья не услышат выстрелов, они прискачут сюда, на стоянку, где видели дым нашего костра последний раз. Каким бы ловким ты ни был, далеко не уйдешь. Парни — первый класс! Живодеры и душегубы, все, как ты любишь, высший разряд. И они любят мясо! Беспомощное жалкое мясо. Ты же не хочешь стать тушей на вертеле? Сомневаюсь, что даже твоя неуязвимость будет рада костру.

Путешествие грозило затянуться.

Макабр сдавал быстрее Рэнджа, хотя постоянно отхлебывал из фляги и что-то жевал. С каждым днем волосы Макабра все сильнее напоминали гнилую солому, а лицо — печеную в кожуре картофелину. Только глаза карлика полыхали все безумней, все ярче.

Пустыня сдала Ньютона, как неудобную карту. Зной, песок и ветер мусолили его, загибали уголки, метили и комкали. Такой у пустыни была вся колода, но Рэндж отличался от всех ее обитателей, угадывался безошибочно при любой раздаче. Он выделялся. Пятая масть. Ньютон не пил, пустыня брала дань не потом и жаждой, а каким-то жутким окаменением плоти. Вережки стерли кожу до глубоких ссадин, но кровь сыпалась из них красной солью и тут же зарастала струпьями, похожими на слюду. Детский

ОСЕНЬ ПРИЗРАКОВ

шрам, тянувшийся от правой глазницы через висок, отвердел и напоминал роговой нарост. Ньютону не перепало ни крошки с ночи, когда они покинули монастырь, песок проник в его кости и шуришал изнутри, призывая дождь.

Макабр сох.

Рэндж менялся.

И не умирал там, где любой другой пил бы уже из Леты.

Гости неумолимо приближались. Макабр наступал зубами замысловатый ритм, огляделся, погрозил небу револьвером и приготовился держать оборону. Рэндж безучастно смотрел за его суетой. Они заночевали на плоской, как громадный блин, равнине. Спрятаться было нигде. Макабр расседлал лошадей, отогнал в сторону, а сам разложил седла и мешки по кругу, спрятал среди пожитков заряженные револьверы. Прежнему Ньютону это показалось бы смешным. Нынешний жалел Макабра. И себя. Скверная участь — сдохнуть с пастью, набитой песком. Споткнуться на предпоследнем шаге. Свернуть шею на ступеньках родного дома. Никогда больше не увидеть Кэтрин.

От Ньютона не было никакой пользы. Дерево, и то помогло бы больше.

— Что бы ни случилось, — предупредил Макабр, срезая веревки. — Я — твой волшебный ключик. Держись меня!

«О чем ты?!» — изумился Рэндж, глядя, как гости осаживают лошадей у их бивуака. У головорезов и живодеров оказались простые грубые лица. С иссеченных песком фасадов смотрели привычные ко всему глаза. Ньютон одинаково хорошо представлял этих людей принимающими роды у коровы и сдирающими скальпы с индейских детей.

Гости не стали спешиваться. Опущенные стволы ружей красноречиво молчали о том, кто будет смеяться последним.

— Где мой брат? Где этот чертов ублюдок? — Мужчина с лицом в белой решетке шрамов скинул шляпу и утер пот со лба. «На редкость странное украшение», — оценил Рэндж и принялся рассматривать остальных. Их отметины оказались не менее яркими: борода одного завивалась в десяток косичек, каждую украшал клык, причем хозяин не брезговал и человеческими зубами; другого бандита отличали срезанные веки, отчего глаза торчали двумя бильярдными шарами, увитыми кровавыми жилами: казалось, они следили за всеми сразу, где бы ты ни стоял, куда ни прятался.

— Я удивлен, Мак-Брайт, более того, я раздосадован! — Макабр задрал голову, и Рэндж поразился ясному бесстрашию его голоса. — Ты нарушил договор, а там все было четко: идешь впереди, слушаешь выстрелы по утрам и на закате, торчишь путь, не задаешь вопросов.

ОСЕНЬ ПРИЗРАКОВ

— Что-то запаздывает, — Мак-Брайт повернулся к спутникам, не обращая внимания на слова карлика, и принялся глядеть в стеклянистое утреннее марево. Бандит с косичками стащил сапоги и по очереди вытряхнул из них песок. Обулся. Поерзал в седле. Вынул револьвер, покрутил на пальце. На лице бандита гуляла скука, но тут, будто вспомнив о деле, он наклонился и всмотрелся Макабру в лицо. Тот стоял, не меняя позы. Солнце высекало искры из револьверов в его опущенных руках. Было видно, что к таким спектаклям Макабр привычен. Двое остальных бандитов на происходящее не отвлекались, они изучали горизонт. Бандит с косичками рыгнул и слез с лошади. Макабр следил за ним, пока он не достал нож и не принялся потрошить один из мешков карлика.

— Любезнейший, — скрипнул зубами Макабр. — Прошу вас, оставьте в покое наши вещи. Мы наковали их без расчета на ваше любопытство.

Пучеглазый заухал из седла. Оценил шутку. Мак-Брайт покосился на подельника: тот увлеченно копался в барахле Макабра. Все взгляды сошлись на карлике. Бандиты ухмылялись, потрошитель мешков гнусаво запел. Что станешь делать, обрубок? Макабр бледно улыбнулся и спустил курок. На песок брызнули кровавые головастики. Бородач завалился на мешки. Лошади встали на дыбы. Пучеглазый не удержался в седле. Макабр с двух рук превратил его

Юрий Некрасов

в месиво еще в полете. На Мак-Брайта рук не хватило. Но он и не думал подставляться.

Макабр откатился за тряпичную баррикаду, отбросил опустевшие стволы и подхватил заряженные. Мак-Брайт сбил Рэнджа наземь и поднял его подбородок вороненым пальцем полковника Кольта.

— Пат, — чиркнул сквозь зубы Мак-Брайт, и его лицо со шрамом расколосось звериным лаем. Он хохотал. Мак-Брайт находил эту ситуацию искренне смешной.

— А ты попробуй, — разрешил Макабр, и от его щедрости внутри Ньютона все оборвалось.

— Стой-стой! — обеспокоился Мак-Брайт. — Не дури. Я его кончу, ты меня знаешь.

— Давай-давай, рискни. Как тебе море в штанах? Уже обделался?

— Пять минут! — заорал Мак-Брайт, обернувшись и смерив взглядом приближающихся всадников.

— Минимум семь, а то и все десять.

«Ты так уверен в моей неуязвимости, — задержал дыхание Рэндж. — Отчего же ты не стреляешь сам?»

— Я выстрелю!

— В любом случае ты — покойник! Мразь! Наш договор!

— Да-да, мы же договорились!

— Не вижу твоей задницы в двух милях впереди себя.

ОСЕНЬ ПРИЗРАКОВ

— Мы погорячились... Эй, убери стволы! Эй! Сейчас здесь будет мой брат!

— Он первым сдерет с тебя шкуру. Все знают, вы повздорили.

— Мы — родня!

— Тем приятней отстрелить тебе башку. Меньше ртов на одну миску.

— Я стреляю! — Ствол дрожал так сильно, что заставлял голову Рэнджа подпрыгивать.

— Сделай милость, — по слогам процедил Мак-кабр.

Пороховой дым ударил по ноздрям.

Осколки зубов Ньютона впились в десны. В шее что-то хрустнуло, тело отбросило назад, как от первогоклассного апперкота. Рэндж почувствовал что-то горячее у себя на груди и тут же — в штанах, заверещал, беззвучно разевая рот, ворочаясь и пытаясь вытряхнуть раскаленную пакость. Пуля! Нырнула в ворот рубашки и проскочила донизу, пропала в сапоге.

— Нет, — взвел курок Мак-Брайт. — Нет-нет-нет!

Дуло заглянуло Ньютоу в душу.

Спину, плечо, руку, колено обожгло беспомощными выстрелами. Рэндж пытался подняться и падал. Пули били наотмашь. Мак-Брайт отмотал барабан и полез трясущимися пальцами в патронташ. Блестящие патроны посыпались на песок.

Юрий Некрасов

— Слово, Мак-Брайт, — не удержался от нотации Макабр. — Я покупал твое слово.

Эхо сбегало к горам и затерялось меж вершин. Мак-Брайт остановил дыхание и уткнулся носом в землю. Макабр подскочил к Ньютону, вцепился в его парализованные руки и потащил в круг вещей.

— Без тебя я — кльыыыыыыыычь! — Макабр не удержался от красочной демонстрации перерезанного горла, после чего в паузах между проклятьями изложил свой план.

Макабр наврал.

Гости с севера уложились в четыре минуты.

Шумным зрителем пришел ветер с равнины. Он развесил между актерами пыльные мишени и уселся в первом ряду. Враги примерялись друг к другу. Шекспир занес над песком окровавленное перо. Макабр с парой шестизарядных друзей выглядывал из-за спины Ньютона, трое резких парней гарцевали ярдах в сорока поодаль. Еще один стрелок остался за кулисами, на пределе видимости. Он стоял на одном колене и пытался выцелить карлика сквозь песчаную бурю.

— Бойл! — закричал, перекрикивая ветер, один из северян. — Сзади! Обходи сзади!

Макабр задергался. Стрелок вскочил на лошадь и погнал ее по большой дуге в тыл карлику и Рэнджу. Того охватила странная сонливость. Ветер играл на нем, как на флейте. Ньютону казалось, что воздух проходит сквозь него, выдувая из стеклянных пуле-

ОСЕНЬ ПРИЗРАКОВ

вых отверстий тоскливый мотив. Вожак подозвал двух других подельников, что-то быстро растолковал, они разъехались по сторонам, зажимая ставку Макабра в клещи.

Лошади нервничали, вскрикивали звонкими девичьими голосами. Всадники подбадривали себя выстрелами в воздух.

— Кретины, — поморщился Макабр и обнял Ньютона, оскалившись кольтами из-за живого щита. Вожак оставил лошадь, отодвинул рукой полу плаща и шагнул на авансцену, двигаясь сквозь ветер плечом вперед.

— Маленький человек! — уважительно окликнул он Макабра. — Не спеши спускать курок! Есть разговор.

— Я тебя не знаю! — завопил в ответ Макабр, не выпуская из поля зрения двух других нападающих, но те заняли позиции глубоко в тылу и не двигались с места. Тревожил парень за спиной, но озираться было нельзя, поэтому Макабр нырнул между ног у Рэнджа и улегся среди седельных мешков.

— Сядь! — зашипел он на Ньютона. — Прикрой меня!

Рэндж подчинился с противной поспешностью. Ситуация, и прежде дерьмовая, с каждой секундой воняла все сильнее. На глаза Ньютона навернулись слезы. Они царапали глазные яблоки, раздирали веки, а Рэндж даже не мог смахнуть эти жуткие острые слезы. Поделом! Весь последний год он был бесчув-

ственной колодой, годной лишь мешать тесто богами ногами. Ньютон не верил в душу, но ощущал внутри себя нечто ржавое, поросшее липким жестким волосом. Обломок Бога. Часть его замысла в теле человека. Эта пакость дышала вместе с ним, брала губами преломленный хлеб, сидела в бочке, облепленная чужеродной слизью, была дочь, топила ее, тащила на берег морского гада. Кем бы Рэндж ни был, какую мерзость ни совершал, в какой грех ни окунался, Бог не покидал его. И сейчас он плакал за него. Позволял быть собой.

«Давай уж как-нибудь сам», — промолчал Ньютон, поднялся на ноги и сделал несколько шагов назад. Макабр не заметил, как остался один. Рэндж отступал и дышал все глубже, все свободнее. Накопец-то ничей. Свой!

Его шею обожгло чужое сбитое дыхание. Трупная вонь, точно существо сзади питалось мертвечиной или само гнило нутром, парализовала Рэнджа. Крепкие пальцы схватили его за кадык, нож скользнул к горлу.

— Босс! — разверзлась Иерихонская труба у уха Ньютона. — Один у меня!

Вожак остановился перед фортом Макабра в нескольких ярдах.

— Маленький человек, — поднял бандит пустые руки, — ты один. Твоего друга мы взяли. Давай не будем кормить песок трупами. Их тут и так навалом. Поговорим мирно?

ОСЕНЬ ПРИЗРАКОВ

— О чем?! — дернулся Макабр и тут же пожалел о содеянном. Идиот! Он вскрывлся!

— О том, где ты прячешься! — оскалился вожак и выхватил пушку.

Ветер разразился канонадой. Макабр и бандит вскрикнули одновременно. Карлик скулил и хватался за колено. Вожак хрипел и плевался, пытался остановить кровь, хлещущую из продырявленного бока. Охаживая лошадей, летели на выстрелы остальные бойцы.

Человек по имени Бойл отшивырнул Ньютона и прыгнул на Макабра сзади, от души приложил сапогом в затылок. Макабр рухнул ничком. Капитулировал.

— Занятная у тебя игрушка, — оценил вожак налетчиков и метнул в Ньютона нож. Клинок споткнулся о его грудь и отлетел, жалобно звеня. Рэндж стоял, связанный по рукам и ногам, его поддерживал Бойл. Макабр сидел напротив, мрачно разглядывая черную пулевую метку на колене.

— Уродец, — плюнул бандит в сторону Макабра. — Я к тебе обращаюсь. Или сам хочешь поймать нож?

Вожаса второй стаи отличали те же симметричные шрамы, что и Мак-Брайта, один и тот же мастер клеймил их обоих.

— Ты положил Грю и его щенков, ценю. Но я нетерпелив и люблю стрелять. Забудешь достать язык

из задницы и отвечать мне — нарежу на мелкие полосы и отправлю на корм койотам.

— Спешишь куда-то? — лопнули растрескавшиеся губы Макабра. — У тебя руки трясутся.

— Наблюдательный, — поскреб щетину второй Мак-Брайт. — Я передумал. Койоты недостойны. Волки — другое дело. Таких, как ты, надо скормливать волкам. Живьем.

— От тебя воняет. Любой зверь подойдет от безгливости рядом с тобой.

— Строптивый, — с притворным уважением отступил Мак-Брайт. — Тем приятней будет сломать. Эй, Бойл, покажи нашему приятелю волка.

Бандит, захвативший Рэнджа и нанесший решающий удар по Макабру, выступил вперед. Двое других схватили карлика за плечи и прижали к земле, чтобы не дергался. Бойл двигался рывками, точно искал носом нужную волну в воздухе. Болезненно худой, с серой ноздреватой после оспы кожей, он напоминал труп волка, а вовсе не живого хищника. Бойл опустился перед Макабром на четвереньки и широко оскалился. Ньютон заметил, что у него редкие заостренные зубы. Даже на расстоянии пахло гниющим мясом. Стрелки, державшие Макабра, отвернулись, один едва дернул горлом, с трудом сдерживая тошноту.

— Рука или палец? — взвешивал Мак-Брайт, качая револьверы Макабра. — Палец или рука?

Бойл решил без подсказки. Он набросился на Макабра и зубами вцепился в правую кисть. Карлик

ОСЕНЬ ПРИЗРАКОВ

разразился истошной арией. Кровь била в лицо Бойлу, и тот лакал ее, не переставая терзать живую плоть. Кости ломались с омерзительным хрустом. Бойл явно наслаждался этим звуком. Рэндж отступил. Вмешаться он не мог да и не хотел. Каждому — своя доля.

Christian song

Барбара вглядывалась в изуродованные окна дома на холме и шептала что-то, словно отвечала на невысказанные вопросы. С каждым мгновением ее голос набирал высоту и звучал более резко. Кристина силилась разорвать путы, заранее смирившись с поражением. Так моряк, выброшенный за борт, принимает в какой-то момент свою судьбу и ждет левиафана, спасительное судно или последнюю волну.

Ночь узурпировала сутки. Она пиროвала над миром, скаля острые звезды. Рассвет повесился за горизонтом.

Кристина не понимала, сколько прошло времени с той минуты, как Шейла и миссис Доплер похитили ее у студии мамы.

— Ты заманиваешь нас! — обвинительно ткнула в сторону пустого окна Барбара. — Нет, я знаю, что ты проиграла и должна сделать это, но мы не обязаны подчиняться вашим раскладам.

— Я понимаю, что ты — хочешь! — обещать мне за это. Другой вопрос, что я реально получу?

Барбара склонила голову набок, выслушивая ответ. Тот, похоже, ее не удовлетворил.

— Что поделать, если у тебя не вышло?! Ответишь сама, — развела руками миссис Доплер.

— Некуда бежать?! Позволь отправить тебя в задницу! — глаза Барбары вспыхнули неподдельным гневом. — Я внезапно вспомнила, где у меня есть незакрытые счета! — и, не обращая внимания на потусторонний зов дома, схватила Кристину за проволочную петлю и потащила вниз с холма.

Кристина пыталась кричать, молила страшную женщину остановиться, но на ее крики из переулков выходили только кошки, выгибали спины и шипели им вслед.

Город пытался угодить Барбаре, улицы юлили перед ней, проматывали целые кварталы, тасовали дома и укорачивали расстояния. Внимание Кристины сжалось до пульсирующей точки. Нарывающие запястья. Боль была такой яркой, что Кристине казалось, будто ее ладони превратились в крылья бабочки, и та рвется, трепещет, зовет Кристину в небо, обещает свободу, если та отбросит тело и позволит себе улететь.

— Дурочка, — встряхнула ее Барбара. — Не слушай ее. Это смерть.

Все время, что они убегали прочь от дома, Барбара напевала что-то себе под нос. Кристину убаюкивал этот мотив. Погруженная в ходильную песнь,

ОСЕНЬ ПРИЗРАКОВ

она не заметила, как очутилась на окраине города. Прошло никак не меньше нескольких часов, но Кристина не чувствовала усталости. Ноги работали двумя независимыми механизмами. Голова плыла над туловищем послушным воздушным шаром.

Дорогу преградил литой забор. Густой неопрятный сад шумел за ним, и его ночной голос не предвещал ничего хорошего. Над ветвями, как мавзолеей посреди погоста, возвышалось массивное здание. Его окна, заклеенные крест-накрест, ослепли. Барбара прошла вдоль забора и подергала створки ворот. Заперто. Сад заметил незваных гостей и притих. Деревья злорадно растопырили ветви, готовые наброситься на любого, кто посягнет на их тень. Тишина расплзлась в ночи, как лужа крови. Барбара мстительно брякнула воротами еще раз, но не сумела разбудить эхо. Тишина стала еще сильнее, загустела. Любой звук тонул в ней, как в вате.

— Не обращай внимания, — голос Барбары звучал глухо и протяжно, как будто Кристина слушала ее под водой. — Нас ведь не испугать подобной ерундой?

Имей Кристина свободные руки, она ответила бы сумасшедшей, но сейчас это не имело значения. Кристина влюбилась! Она помнила эту сладкую резь в груди, невозможность дышать без ежесекундного осознания: да, люблю, приди — разделю!

— Ты тоже чувствуешь? — Барбара дышала с жаркой хрипотцой, ее хмельные глаза говорили о подлинном, непритворном наслаждении. — Что же здесь спрятано?!

Кристина не хотела уходить от ворот, но Барбара потащила ее вдоль забора, все дальше и дальше от центральной аллеи. Она что-то искала, проверяла каждый куст, проросший сквозь решетку, и наконец не смогла сдержать торжествующего вопля. Густая зелень скрывала погнутые прутья, дыру, удобную, чтобы сквозь нее смогли протиснуться две леди.

— Держись, — предупредила миссис Доплер и толкнула Кристину на ту сторону.

Ужас разорвал ее на части.

Когда палач отсекает жертве руку, мгновение оба молча смотрят на хлещущую кровь, айсберг кости, торчащей из развороченной мякоти. Шок душил боль. Затем раздается крик. Он твердит скорее об удивлении, невозможности принять происходящее, чем о реальном страдании. И только потом водопад боли стирает мир своим белым покрывалом.

С культей Кристины мелко капала кровь. Руки были оторваны по локоть. Она замерла в немом ошеломлении. Рот выталкивал наружу легионы воплей, разжимал челюсти так, что лопались уголки губ, но голос не шел.

ОСЕНЬ ПРИЗРАКОВ

Кристина рухнула наземь и поползла прочь от забора. Кроны нависли над ней, тая среди ветвей тысячи ночных пастей. Пожухшая крапива и сорная трава лезли в рукава и под юбку кривыми колкими пальцами. Кристина давилась сухими рвотными судорогами. Страх рвал и калечил. Где-то поодаль задыхалась миссис Доплер. Взрослых Фобос не шадил особо.

Ночной шум, затаившийся на время, обрушился на пришельцев с новой силой. Он скрипел и пророчил, надрывался, шкворчал и был отголоском звуков Страшного суда, который неминуемо застигнет грешников в постели, неготовыми, праздными и пустыми.

От диких усилий поддалась проволока на запястьях. Наваждение отступило. Кристина почувствовала, что руки по-прежнему заломлены за спину, ощутила их стянутость, каторжность, несвободность. Но проволока выкинула белый флаг. Кристина нащупала слабинку, перекрутила проволоку, еще раз — и выдрала руки. Боль наконец-то занялась положенным ей делом — ворвалась в тело и оглушила рассудок.

Судороги были чем-то земным, знакомым. С трудом, кашляя и всхлипывая, Кристина умудрилась сесть. За спиной хрипела Барбара. Кристина обернулась. Барбара каталась по газону, обдирая

с лица и шеи какую-то воображаемую пакость. Она была в ярости.

— Перестань! — рычала она. — Это же я! Ты не можешь! Я найду!

Кристина осторожно поднесла руки к лицу и разрыдалась от жалости к себе. Кисти распухли, вены вздулись и напоминали раскормленных пиявок. Кожа повисла надорванными перчатками. До локтя тянулись кровавые узоры. Но она была жива! Жива и свободна. И не собиралась больше повторять глупых ошибок.

Ноги на удивление стойко приняли ее вес. Кристина почти не шаталась. Руки полыхали огнем, кровь пробивалась в них с боем. Волосы облепили лицо и шею, тело покрыла мерзкая испарина, но Кристина собрала в комок всю боль и мерзость, что произошли с ней за последние сутки, и выплюнула вместе с ними лишнее и малозначимое. Ее компас указывал на истинный север. Направление выжить.

Шаг дался ей с трудом. Второй потянулся за первым, как бусина сползает по нитке. Ноги вспомнили, как ходить, и заспешили друг за другом, вне себя от ужаса, что их могут разлучить и бросить здесь, в сырой темноте, гнить в одиночку.

— Стой! — задыхаясь, прокричала Барбара. — Дура! Стой! Что ты творишь?!

ОСЕНЬ ПРИЗРАКОВ

Кристина берегла дыхание. Она пронеслась мимо беседки, густо заросшей плющом, и помчалась вдоль стены здания. В темноту. Вслед ей несло отчаянное:

— Он заманивает!.. Не глупи!..

Кристина доверилась тропинке, бегущей вдоль центрального здания куда-то в глубину сада. Ноги, точно опомнившись, срывались едва ли не на галоп. С каждым шагом в Кристине прибывало уверенности, что она вырвалась.

Кристина не заметила ступенек и кубарем покатилась под наклон. Когда-то здесь был бассейн. Сейчас его завалили палая листва, мусор и поломанная мебель. В последний раз им явно пользовались как выгребной ямой. Кристина порадовалась, что не рухнула с глубокой стороны. Сил выбраться из этой ловушки у нее бы не нашлось.

С обратной стороны здания забор был выше, прутья переплетались чаще, а кромку венчали частые ржавые пики. Кристина попробовала взобраться по решетке, но руки отказались держать тело.

В тени основного здания скрывалась постройка поменьше. Если взобраться на ее крышу, можно перепрыгнуть забор. Смерив взглядом десять футов решетки, Кристина обнаружила, что не находит эту мысль глупой или абсурдной. Опасность

сломать руку или ногу перестала что-либо значить перед лицом повторного плена.

Кристина вспомнила, что видела облезлую стремянку в помойном бассейне. Напрягаясь из последних сил, сумела выволочь ее наружу. Раны на запястьях размазались алым. Боль натянула струны через порезы и взяла первый аккорд. Высоты стремянки не хватало, чтобы перелезть забор, но дотянуться до козырька над входной дверью, с которого потом залезть на крышу, оказалось намного проще.

Черепица хрустела под ее ногами, как сварливая старуха. Кристина слышала, как стонут потолочные балки. Залезть на крышу не составило особого труда. Теперь нужно собрать волю в кулак, разбежаться и... Дурацкое сравнение. Кристина опять не смогла сдержать слез. Кулаки не сжимались. Руки так сильно болели, что впору было выть в голос.

— Не получится даже взять себя в руки, — пошутила Кристина и закашлялась от горечи слов, уперлась пяткой в выступ печной трубы и бросилась вперед. Черепица брызнула во все стороны, Кристина не удержала равновесия и впоролась коленями в крышу, покатилась, спина раздробила под собой настил, и крыша расселась под весом девочки, талым весенним льдом, опрокидывая в темный чулан неизвестности.

ОСЕНЬ ПРИЗРАКОВ

Кристина очнулась в постели.

«Какое счастье!..» — пришла мысль и тут же всплыла кверху брюхом. Кристина замычала от боли, та ударила в спину, спеленала по рукам и ногам, боль втыкала в Кристину ножи и иглы, рвала руки из суставов, боль нападала и отступала, боль рвала Кристину на части. Злая старуха, прячущаяся во тьме.

Небо над головой немного просветлело и заглядывало в спальню Кристины через дыру в потолке. С деревянной щепы свисали лоскуты Кристинино-го платья. Она хотела перевернуться на другой бок и спрятаться во сне, но старуха заметила этот маневр, оскалилась и вонзила в Кристину острые зазубренные когти.

Крик сломался о стены и корчился в пыли рядом. Кристине посчастливилось упасть на что-то мягкое. Наверное, поэтому она еще не умерла. Ссадины дергали запястья. Кристина не могла вдохнуть полной грудью. Левое бедро беспросветно ныло. Перед глазами плавали цветные пятна, вызывая из темноты химер и призраков.

Кристина приподнялась, ноги не держали. Мягкое, на что она приземлилась, комкалось под ней и мешало ползти. Нога коснулась чего-то холодного. Кристина подтянула колени к груди, спрятала лицо в ладонях и попыталась успокоиться: «Паника убьет меня прежде, чем чокнутая баба!»

Темнота вокруг проступала странными очертаниями.

Кристина вспомнила, как мама учила ее терпеть. «Дыши сквозь боль, — говорила она, — представляй, как она дымом вытекает сквозь больное место». Кристина дышала и слушала, как кричит ее мясо, как скрипят и жалуются кости. Наконец ей удалось унять сердцебиение и, разжав закаменевшие от усилия челюсти, загнать боль в подвал. Окружающий мрак стал чуть менее жутким. Из теней сложились очертания крупных предметов. Кристина поднялась и вытянула руки. Им она доверяла больше, чем глазам.

Что-то металлическое, округлое, похожее на печь с длинной шеей. Бак для нагревания воды. Циферблаты. Ребристые вентили. Кристина едва не напоролась на один из них, торчащий из стены на длинном штыре. Котельная. Руки отправились изучать стены. Крохотные окошки забраны решеткой. Здесь нет ничего интересного. Полки. Поросшие паутиной банки. Какая-то мелочь посыпалась на пол. Кристина зашипела, вляпавшись ладонью в липкую массу. Какая мерзость. Машинное масло? Дверь. Кристина рассмеялась от облегчения. Крохотная прихожая. Кристина обо что-то споткнулась. Черт. Обувь! Загремела засовом. Теперь открыто. Дернула на себя входную дверь. Толкнула наружу. Заперто. Слез не осталось.

ОСЕНЬ ПРИЗРАКОВ

— Они ничего не найдут! Даже мое тело, — звук голоса прогнал накатившую истерику. Бороться! Искать!

— Не для того умерла моя мама, чтобы я так просто сдалась! — Кристина присела на корточки и ошупала каждый дюйм прихожей. Две пары обуви. Сапоги. Широоченные галоши. На стене обнаружился ветхий дождевик и дубленая куртка из морщинистой кожи.

Так же, на ощупь, Кристина вернулась в комнату.

На полу валялись предметы, случайно сброшенные с полок. Катушка ниток. Игла проткнула палец, и Кристина едва не рассмеялась, настолько смешной и незначительной была новая боль. Расческа. Свечной огарок. Огонь! Кристина подскочила и принялась шарить на полках. Где же? Должны быть спички. Зажигалка? Но полки стояли пусты.

Кроме бака неисследованной в котельной оставалась только посадочная площадка Кристины. Она подступилась к ней с непонятным трепетом внутри. Что-то не давало ей так же бесстрашно ощупать подушку, какая-то неловкость, фантомные ощущения, точно тело знало что-то, о чем еще не догадывалось сознание.

Кристина нашупала край подушки и потянула на себя. Она сдвинулась, заскрипев по полу невидимыми ножками. Кристина потрогала край. «Ма-

трас, — решила она и тут же одернула себя. — Чего ты боишься? Тараканов? Змей?»

После всего, что произошло с ней за последние сутки, бояться старого матраса было смешно. Кристина залезла на него и принялась ощупывать в поисках чего-нибудь полезного. Теперь она поняла, о чем помнило тело. Матрас лежал неровно, точно кто-то напихал под него камней или какой-то мусор. Между стеной и матрасом торчал кусок ткани. Кристина потянула за него. В матерчатую трубу были вложены какие-то палки. Они зацепились за что-то под матрасом и не желали вылезать наружу. Кристина рассвирепела.

— Твою мать! — за такие слова мама неделю не выпускала бы ее из дома. Кристина дернула трубу что было сил и вырвала ее на себя.

Ломкие небольшие деревяшки посыпались на матрас. Кристина подобрала одну из них и поднесла к самым глазам.

— Да что за... — Кристина не договорила. Она еще несколько секунд держала оторванный, высохший до кости палец, пока ужас не затопил ее до краев.

Это не ножки скрежетали под матрасом. Две куртки и две пары обуви в прихожей. Вот почему котельная оказалась закрыта на засов изнутри. Хозяин никуда не ушел.

«Его нарочно оставили здесь! — пришла безумная мысль. — Как стража в гробнице у фараонов!»

ОСЕНЬ ПРИЗРАКОВ

Кристина скорчилась в дальнем углу, у самого бака, но даже отсюда до матраса была едва ли больше пары шагов. Ее колотила нервная дрожь. Отчего-то даже в детской кроватке, когда картонная кукла звала ее голосом матери, Кристине не было так жутко.

«Огонь, — занудно напомнила та часть ее существа, неразум, нечто от пещерного человека, что никогда не сдастся, выживает, бьется до конца: сейчас он отвечал за их спасение. — Спички. Зажигалка».

— Я к нему не прикоснусь! — забилась в истерике Кристина, отчетливо понимая, пара минут — и ей придется поднять матрас.

Тело высохло до игрушечной легкости. Кристина боялась вони, жуткого трупного запаха, воспетого фильмами ужасов и молвой. Мертвец пах старыми книгами. Аромат истлевшей бумаги. Одежда на нем превратилась в лохмотья и рассыпалась от любой попытки залезть в карманы. Пришлось отодвинуть матрас в угол и туда же перетащить тело. Голова не удержалась на шейных позвонках, отломилась и укатилась куда-то под бак. Кристина вздохнула с облегчением. Не придется смотреть ему в глаза.

Среди мелкого мусора, скопившегося под матрасом, Кристина нащупала сплюсненную коробку со спичками. Усталость брала свое. Несмотря

на весь ужас положения, Кристина жутко хотела спать.

Спичек оказалось семь. Ломкие, капризные, с пустыми на пламя головками. Вспыхнуть согласилась шестая. Тени волнующейся толпой разбежались по стенам маленькой котельной. Кристина поднесла огонь к фитилю и бережно накрыла его ладонью. Наконец свеча разгорелась.

Котельная оказалась именно такой, как рассказали Кристине руки. Бак мерцал черным полированным боком. Стекла в забранных решетками окнах тускло бликовали многолетней грязью.

— Ключ! — осенило Кристину. — Дура, какая же ты дура!

Она прилепила свечу на самый большой циферблат и кинулась шарить в кучке мусора из-под матраса. Она брезгливо обходила мелкие кости умершего. Ключа не было.

— Все-таки карманы, — смирилась Кристина.

Свечи едва хватило, чтобы найти второй огарок, еще меньше прежнего. Теперь Кристина не теряла времени даром. Дюйм за дюймом она обшарила всю прихожую и заглянула в каждый угол самой котельной. Пришлось даже выкатить из-под бака череп. Кристина зря тревожилась, веки умершего были так плотно сомкнуты, что казались двумя грецкими орехами в кожуре. Кристину неприятно поразило, что у мертвого подбородка торчал нарост, словно дерево, выросшее

ОСЕНЬ ПРИЗРАКОВ

после смерти в голове человека, пустило наружу корни.

— Или кто-то прилепил ему щупальца, как у спрута.

Ключа нигде не было.

Отчаяние, с вечера расставившее сети, стянуло их и обмотало Кристину покрепче. Она еще трепыхалась, но уже была готова упасть и сдаться, задрать лапки.

— Хрен тебе! — прибавила еще неделю к своему домашнему заточению Кристина. — Я не умру здесь. Клянусь, мама. Здесь я не умру.

В дверцу бака теоретически можно было пролезть. Кристина засунула внутрь голову и присвистнула. Места внутри хватало с избытком, но трубы, уходившие к центральному зданию, были не толще бедра девочки. В стенке бака была еще дверца печи, но там Кристина едва ли поместилась бы.

— Отпадает, — выдохнула Кристина и еще раз примерилась к дыре на крышу. Восемь-девять футов. Даже если сломать полки и попытаться сделать из них лестницу, поставить их вертикально, едва ли получится зацепиться за край, да и тот вряд ли вновь выдержит ее вес. Тем более она не сумеет подтянуться. Если бы там была перекладина, а ее руки свежи и целы... Нет, признала Кристина, она не готова. Не вариант.

— Пожалуйста! — она взмолилась так искренне, что впервые поверила в собственную смертность. — Я знаю, ты не даешь чудес. Мне нужна только подсказка. Намек. Ведь так не бывает! Девочки так не умирают!

Мертвец красноречиво молчал в своем углу.

Свеча дотлевала. Ее слезы застывали на циферблате и скапливались лужицей на полу. Сквозь дыру в потолке пробились первые утренние лучи. Ночь сдала позиции и отозвала свои знамена. Кристина упала на матрас и не смогла подняться. Тело выкрутило ей руки и оглушило сном.

Судьба вернулась за ней под вечер.

Никогда еще пробуждение не было таким мучительным и жутким. С первого мгновения Кристина вспомнила, где она и какая участь ее ждет. Горло пересохло. Язык распух и с трудом помещался во рту. Губы растрескались и не желали смыкаться.

Руки стянуло жесткой коркой, она лопалась и начинала кровоточить от любого неловкого движения. Тело напоминало сложную игрушку из разных конструкторов «Лего», детали плохо состыковали друг с другом, и теперь они норовили рассыпаться. Свеча дотаяла. Свет дня грозился вот-вот сойти на нет.

Кристина пошарила взглядом по комнате, но не обнаружила ничего нового.

ОСЕНЬ ПРИЗРАКОВ

— Надо проверить еще раз, — с жестким, поразившим ее саму упрямством она заставила себя подняться.

— Что мы ищем? — этот вопрос убирал все лишнее и делал поиски максимально четкими, предельно осмысленными.

— Выход.

Теперь Кристина обшаривала стены, простукивала, царапала и била в отчаянии, когда ничего не находила. Котельная напоминала идеальный склеп.

— С крематорием внутри, — с ненавистью шипела Кристина и начинала на третий-пятый-десятый раз обшаривать свою ловушку.

В какой-то момент Кристина решила петь. Песни сменились рыданиями, те — проклятиями. Пока, наконец, не вернулась тишина. Она была вкрадчивой и ехидной, как будто знала что-то, до чего никак не могла достучаться ограниченная и глупая девочка. Кристина вслушивалась в нее, и в душе все ярче зрело желание покончить со всем этим. Среди вещей, найденных у покойника, был столовый нож. Наложить на себя руки.

— Какой там, — скривилась Кристина. — Не выдержат. На забор не могу взлезть, а тут — с собой покончить.

Тишина настойчиво лезла в уши и копошилась у нее внутри. Чтобы не слушать ее, Кристина начала разговаривать сама с собой.

— Ходишь по кругу. Так не годится. Дверь и потолок отпадают. Забудь про них. Вообще не бери в расчет. Что остается? Бак — без вариантов. Тоже выкинь. Окна — хрень. Плюнь и разотри. Что еще бывает в фильмах? Потайной выход? Боже мой, очнись. Это котельная! Какие-нибудь коммуникации. Лифт. Доставка. Вентиляция. Вентиляция!

Комната перерыта вверх дном. Значит, прихожая. Кристина в очередной раз ощупала ее от пола до предела своего роста. Ничего. Она вернулась в комнату и бросилась на бак с кулаками.

— Пожалуйста! Пожалуйста!

«Ты ни разу не смотрела за баком!» — осенило ее. Или это ангел снизошел до подсказки?

У пола бак вплотную примыкал к стене.

«Лезь на бак».

— Чертова дура! — ликовала Кристина, пытаюсь вскарабкаться по вентилям наверх. — Так бы и сгнила тут, если бы...

У самого потолка к стене была привинчена решетка из рифленой жести. Пришлось спуститься за ножом и потратить полчаса, откручивая болты.

Решетка скрывала небольшое квадратное окно.

Труба вентиляции исчезала в стене, почти отвесно уходя в пол. Ее ширины едва хватало, чтобы Кристина могла протиснуться туда, вытянувшись в струнку.

ОСЕНЬ ПРИЗРАКОВ

— Придется нырять руками вперед, — сказала Кристина и почувствовала, как остро натянулись жилы. — Там может быть что угодно. Вода... Нет, — тут же одернула себя. — Вряд ли. Но ты можешь застрять. И тогда верная смерть. Никто никогда не найдет тебя там. Здесь есть хоть какой-то шанс. Там — его не будет.

Кристина слышала, как неистово бьется сердце. Грудь ходила ходуном, рот жадно хватал воздух, точно надеялся надыхаться впрок.

— Еще ты можешь задохнуться, — она все добавляла и добавляла, не могла остановиться. — Метан. Углекислота. У тебя нет даже света. Ты совсем идиотка, чтобы пойти на такое?! Ты точно застрянешь. Или просто не заставишь себя...

И чтобы не слышать, сломать, исключить любые сомнения, вколотить страх так глубоко, чтобы тот сдох под тяжестью неизбежного, Кристина подскочила к вентиляционной шахте и швырнула себя вниз.

Из чернильной глубины тянуло многолетней сыростью.

Это длилось века.

Кристина потеряла ощущения верха и низа.

Ее глаза затянута пленкой крошечной слепоты.

Иногда она достигала поворота, который не могла пройти с наскока. Тогда ей приходилось отключать все, кроме внутренней рептилии, и изги-

баться всем телом, как бескостной ящерице, как капле масла, которое хочет просочиться сквозь трещину. Она чувствовала чужие прикосновения. Пауки и мокрицы путешествовали в ее одежде, волосах и складках кожи, покидая Кристину, когда приходило время. Крысы щерились на нее бесцветными в темноте зубами и отступали. Слишком непостижимая для них.

Самое большое существо в подземном мире. Королева тоннелей.

Ее имя потеряло вкус, выбелилось, как шерсть альбиносов.

Кристина чуяла запах прошлых жизней.

Лаз вел ее сквозь эпохи, ввинчивал в плоть земли, удочерял, она слышала голоса.

Иногда он забирал ее дыхание. Кристина ползла, чувствуя, что задыхается, тесная труба славливала ее со всех сторон, превращала в червя — существо, способное дышать кожей или вовсе не нуждающееся в кислороде.

Редко Кристина приходила в себя.

Паника разбивала ее о стены вентиляционного колодца, она визжала, пока не срывала голос, но и тогда продолжала хрипеть, пыталась вырваться, разодрать себе вены, вскрыть горло, чтобы не чувствовать, как ее проталкивает по своему каменностенному пищеводу огромный неведомый монстр.

В один из таких моментов она почуяла, как стена слева от нее поддается. Кристина надавила пле-

ОСЕНЬ ПРИЗРАКОВ

чом, подтянула руки, попыталась расшатать, опрокинуть. Она не помнила, зачем делает это, но инстинкт, неразумное, древнее, живое, кричал, что отказывается продолжать путь во тьме.

Над ухом заскрипело. Запах, густой, как сметана, залепил Кристинины ноздри. Чьи-то руки вцепились ей в плечи и потащили, обдирая, наружу.

Решетка стукнула позади нее сомкнувшейся челюстью.

— Невероятно, — Кристина очнулась от голоса Барбары. — Как же он ее пропустил? Убийца тоже был ребенком?

Человек по имени Свет

Проходили мимо магазинчика Мо, когда Шейла придержала Лайта за рукав и мотнула головой в сторону входа. Наблюдательность, за время общения с мертвецами и рыборотыми выросшая на три головы, не оставила Лайту ни единого шанса: придется лезть в опечатанное копами здание.

— Ключ, — пробренчала кукла голосом заводной игрушки.

— Я не найду, — попробовал Лайт. — Там целый магазин всякого.

— Ключ, — сжала липкую клешню Шейла, и Лайт понял, что не готов вставать против.

Он проклинал свою мягкотелость. Мгновения, проведенные с Мириам, поблекли, романтическая

позолота, когда-то так трогательно скрашивавшая серый быт, растрескалась и облетела. Расстрельная команда будней поставила Лайта к стенке. В душе моросил дождь, и каркали вороны. Дорожные знаки «Лузер» и «Тебя используют» мерещились на каждом перекрестке.

— Какой ключ? — сдался Лайт. — От чего он хотя бы?

Шейла не сводила с него своих бутылочных глаз. Конус ее головы напоминал театральную тумбу, которую плотно залепили афишами. Отдельные куски скотча отклеились и парусили на ветру.

— Маленькая дрянь! — не выдержал Лайт и вцепился в хрустнувшие локти куклы. — Ты можешь объяснить, что это за ключ?!

— Слова. Ослабляют. Пружину, — выдавила Шейла. — Умру.

— Безумие, — сдулся Лайт. — Полный бред. — Шейла продолжала стоять посреди улицы. — Да, знаю, знаю! Ключ!

Тишина в разгромленном магазине стояла такая, что каждый шаг Лайта звучал, как выстрел. Здесь можно было найти что угодно, но только не то, что нужно. Лайт заблудился среди курганов опрокинутой мебели и липких озер краски. Судя по отпечаткам ног, буквально пару часов назад здесь было людно. «Может, ключ у них? — мысль выскользнула на улицу вдогонку следам, но Лайт

ОСЕНЬ ПРИЗРАКОВ

не спешил за ними. — Мириам, радость моя, подсажи. Сейчас тот самый случай, когда я обменял бы сотню бесценных, но непонятных видений на одно — конкретное».

По опрокинутой гладильной доске, потешно задирая негнувшиеся ноги, промаршировали двое пластмассовых солдат. Один имел белые усы и нес на вытянутых руках ружье, похожее на рыбу с прикладом. Другой, ободранный, установил между ними забор из печенья. Лайт, затаив дыхание, следил за их пантомимой. Первый дернул ружьем. Приказал что-то. Второй ткнул рукой в сторону Лайта. С его стороны на доску вскарабкались еще двое. У Лайта перехватило дыхание. Напротив совершенно одинаковых фигурок солдат — он готов был поклясться, что узнал их — стояла безумная крючкозубая парочка. Усатый спрятался за печеньем. Ободранный нырнул с доски. Ненормальные разделились, девица двинулась за беглецом, ее муж занялся ружьем. Печенье разлетелось в крошку. Фигурки попадали на пол, на гладильную доску величаво, как правитель на трон, вошел игрушечный бульдозер. Давешний оборванец сидел в кабине и дергал за рычаги. Он подогнал машину к самому краю и выпрыгнул из нее. Его рука выронила ключ на веревочке, она зацепилась за гвоздь в стене, и ключ повис, дразня отраженными бликами. К величайшей жалости Лайта, он не был даже копией. Безделица. Игрушка.